

Статья имеет научно-практический характер и посвящена основным проблемам реализации права на защиту в местах лишения свободы. Автор на примере личной практики ставит вопросы несовершенства как уже существующих норм законодательства, так и обозначает пробелы в праве. В статье рассматриваются самые распространенные проблемы реализации права на защиту в местах лишения свободы на территории Российской Федерации, с которыми сталкиваются российские адвокаты: доступ к клиенту, прохождение досмотра в исправительном учреждении, сокрытие подзащитных, фиксация хода опроса клиента и результатов опроса, пытки в отношении клиента и др.

Проблемы реализации права на защиту в местах лишения свободы в Российской Федерации

Автор: Ирина Бирюкова, адвокат, правозащитник, преподаватель, независимый эксперт, аккредитованный Министерством юстиции Российской Федерации на проведение антикоррупционных экспертиз нормативных правовых актов и их проектов, автор и соавтор более двадцати антикоррупционных экспертиз нормативно правовых актов и проектов нормативно правовых актов в области уголовного и миграционного законодательства; представляет Фонд «Общественный вердикт» - неполитическую некоммерческую организацию, оказывающую правовую помощь по защите прав человека гражданам, пострадавшим от неправомерных действий российских правоохранительных органов; осуществляет постоянное юридическое сотрудничество с представительством Amnesty International и Human Rights Watch в России; передала для публикации в Новую газету видеозаписи пыток в ярославской колонии, впоследствии, после публикации, из-за угрозы безопасности жизни своей и дочери, вынуждена была временно покинуть Россию; Лауреат премии Московской Хельсинской Группы 2019 г. за мужество, проявленное в защите прав человека; лауреат франко-немецкой премии «За права человека и верховенство закона» 2019 г.

Федеральная служба исполнения наказаний является одной из самых закрытых систем в Российской Федерации. Фактически доступ в нее, за исключением представителей самой системы, имеют лишь адвокаты и, в некоторых случаях, защитники наряду с адвокатом, не имеющие соответствующего статуса. Зачастую адвокат – единственная возможность придать гласности тому, что происходит за стенами исправительного учреждения. Поэтому, работая по делам о защите прав осужденных, приходится часто сталкиваться с нарушением прав человека и основных свобод со стороны сотрудников различных ведомств.

Дело в том, что в России, безусловно, имеются надзорные органы, задачей которых является осуществление надзора за соблюдением законов в

исправительных учреждениях, расследование случаев нарушения закона, привлечения к уголовной ответственности лиц, допустивших такие нарушения. Однако, на практике дело обстоит совершенно иначе.

В частности, в каждом регионе, где имеется исправительное учреждение, существует прокуратура по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях, областная прокуратура, управление федеральной службы исполнения наказаний, следственные органы. Все они призваны защищать и соблюдать права осужденных. Но, как правило, руководство надзорного органа состоит в тесной связи, которая может быть не только деловой, дружеской, но и порой семейной, с руководством того или иного исправительного учреждения. Таким образом, проверки жалоб осужденных не приносят результата. Областная прокуратура, за редким исключением, не осуществляет надлежащего контроля за подчиненными прокуратурами, поскольку неудовлетворительная работа нижестоящей прокуратуры говорит о некачественной работе самой прокуратуры. Управление федеральной службы исполнения наказаний в абсолютном большинстве случаев защищает своих сотрудников, поскольку среди представителей надзирающих и правоохранительных органов существует мнение, что осужденные, отбывающие наказание, не являются людьми в привычном понимании этого слова, поэтому заслуживают то обращение, которое к ним применяется. А также по той причине, что возбужденные в отношении работников исполнительной системы уголовные дела будут говорить о неудовлетворительной работе самого управления, ненадлежащем контроле за исправительными учреждениями и их сотрудниками. Следственные органы не могут в достаточной степени расследовать дела по жалобам осужденных на применение насилия, поскольку вся доказательственная база сосредоточена в руках начальника исправительного учреждения, который не всегда дает доступ к доказательствам даже своему непосредственному руководству, не говоря о следственном органе.

Из имеющейся личной практики защиты прав осужденных по делам о применении пыток к осужденным, исходя из материалов нашумевшего уголовного расследования пыток осужденного Евгения Макарова в колонии №1 Ярославской области, а именно, из показаний самих сотрудников учреждения, могу, как представитель потерпевшего, утверждать, что никогда доказательства совершения преступления сотрудниками исправительной системы не предоставляются надзорным и следственным органам. Иногда их сохраняют с целью так называемой «круговой поруки», чтобы никто из участников преступления не смог донести на кого-то другого.

Таким образом, адвокат, работающий по защите прав осужденных, фактически становится единственным независимым инструментом для оказания помощи лицам, отбывающим наказание. И, как следствие, проблемой для исполнительной системы, которая старается всячески оказать давление на такого адвоката.

Проблема реализации права на защиту в местах лишения свободы начинается еще на стадии попытки адвоката получить доступ к клиенту в исправительное учреждение. Особенно это касается доступа к «проблемным» для администрации учреждения осужденным, которые активно стараются защищать

свои права и помогают это делать другим осужденным, поскольку каждая жалоба порождает за собой, пусть и формальную, но проверку со стороны надзорного ведомства. Каждая такая проверка со стороны надзорного ведомства означает, что сотрудникам исправительного учреждения необходимо дать объяснения, надзорному органу следует опросить осужденного, который, не удовлетворившись результатами проведенной проверки, может обращаться за защитой своих прав к общественным организациями и вышестоящим надзорным органам.

Для получения доступа к своему клиенту адвокат сначала должен получить пропуск на вход в исправительное учреждение, поскольку его территория является закрытым охраняемым объектом. Данный пропуск может подписать только начальник учреждения или лицо, его заменяющее. Для того, чтобы не допустить адвоката к своему подзащитному, сотруднику исправительного учреждения достаточно сказать, что руководство находится на территории колонии и к нему нет доступа, необходимо ожидать. Это ожидание может затянуться до конца рабочего дня и повторяться ежедневно, бесконечное количество раз.

Обжалование в надзирающие органы или суд незаконных действий администрации исправительного учреждения является довольно длительной процедурой, которая может растянуться более, чем на три месяца, учитывая, что срок вступления решения в законную силу составляет один месяц по такой категории споров. Более того, такое обжалование совершенно не дает гарантии получения доступа в другой очередной раз. Нередки случаи, когда, уже имея на руках судебное решение о незаконности действий администрации исправительного учреждения по недопуску адвоката к своему подзащитному, руководство учреждения вновь чинит препятствия адвокату во встрече с осужденным.

Если подзащитный жаловался на применение насилия в местах лишения свободы, то задача адвоката попасть на встречу с осужденным в самые короткие сроки становится критически важной. Тогда используются любые возможности огласки данной ситуации – от обращения по горячим линиям надзорных ведомств до широкой огласки в СМИ. Если имеется достоверная информация о том, что жизни и/или здоровью осужденного угрожает опасность, одним из возможных способов как для встречи с осужденным, так и для обеспечения гарантии на оказание ему срочной медицинской помощи, становится обращение в международные органы. В частности, в данном случае адвокат готовит заявление в Европейский Суд по правам человека о применении срочных мер защиты в соответствии с Правилем 39 Регламента Суда.

Новая современная и актуальная проблема в защите прав осужденных, находящихся в местах лишения свободы, жалующихся на пытки – это COVID-19. Точнее, не сама эпидемия коронавирусной инфекции, а то, как этой ситуацией с пандемией пользуется администрация исправительного учреждения.

В июле 2021 года мой коллега, адвокат Эльдар Гароз, направился в одно из учреждений Тульской области на встречу с осужденным, родственники которого выразили опасение за его жизнь и здоровье, поскольку, по их информации, он совершил попытку суицида из-за давления со стороны администрации учреждения и угроз со стороны так называемых «активистов» (осужденные,

сотрудничающие с администрацией учреждения). Адвоката не пустили в колонию, ссылаясь, что запрещены все свидания, в том числе и оказание юридической помощи, из-за неблагоприятной эпидемиологической обстановки в учреждении, несмотря на то, что в своем заявлении адвокат указал, что у него при себе имеются маски, перчатки, бахилы и защитный костюм. Направив жалобу в надзорный орган, был получен ответ, что данное учреждение не имеет возможности предоставить помещение, где адвокат имел бы возможность встретиться с клиентом. При этом, в каждом исправительном учреждении имеется комната для проведения краткосрочных свиданий, оснащенная защитным стеклом и телефонными трубками для общения, а у адвоката при себе имелись все необходимые меры защиты.

25 октября 2021г. в Государственную Думу РФ был внесен законопроект о внесении изменений в статью 85 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статью 35 Федерального закона «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (в части введения режима особых условий)¹.

Указанный Закон предлагает ввести дифференцированный подход к ограничению прав осужденных в период действия режима особых условий, который будет зависеть от обстоятельств его введения. Законодатель предлагает ввести такое понятие, как «режим особых условий», в которое входят ограничительные мероприятия (карантин) и режим повышенной готовности.

Исходя из текста Пояснительной записки, целью законопроекта является лишь расширение перечня оснований для введения режима особых условий в исправительных учреждениях. Иные цели законодателем не представлены. В Пояснительной записке законодатель также утверждает, что Законопроект соответствует положениям Договора о Евразийском экономическом союзе и положениям иных международных договоров Российской Федерации². Между тем, анализ данного законопроекта показал, что, в случае его принятия в том виде, в котором он представлен для проведения общественной экспертизы, будут нарушены не только нормы национального законодательства, но и нормы международного права, в том числе, в части реализации права на оказание квалифицированной юридической помощи в местах лишения свободы. А также, появится коррупционная составляющая при взаимодействиях осужденных, адвокатов и администрации исправительных учреждений.

Если обратиться к тексту самого законопроекта, то мы увидим, что предлагаемые изменения, среди прочего, затрагивают и ограничение осужденных на право, гарантированное частью 4 статьи 89 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, которая гласит, что для получения юридической помощи осужденным предоставляются свидания с адвокатами или иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи, без ограничения их числа продолжительностью до четырех часов.

¹ <https://regulation.gov.ru/projects#npa=121897>

² <https://regulation.gov.ru/projects#npa=121897>

Аналогичные требования закреплены в пункте 79 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений³, который устанавливает, что для получения юридической помощи осужденным предоставляются свидания с адвокатами, иными лицами, имеющими право на оказание такой помощи, в том числе с представителями в Европейском Суде по правам человека, лицами, оказывающими осужденным юридическую помощь в связи с намерением обратиться в Европейский Суд по правам человека, нотариусами без ограничения их числа продолжительностью до четырех часов.

Исходя из позиции Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ), выраженной в постановлении №20-П по делу о проверке конституционности отдельных положений частей первой и второй статьи 118 УИК РФ в связи с жалобой Шенгеляя Зазы Ревазовича от 26.12.2003 г., законодатель, предусматривая предоставление свиданий осужденным к лишению свободы, различает, с одной стороны, свидания, которые предоставляются им в целях сохранения социально-полезных связей с родственниками и иными лицами, и с другой - свидания с адвокатами и иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи, в целях реализации осужденными конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи. Именно с учетом различий в правовой природе и сущности этих видов свиданий, законодатель, хотя и использует для их обозначения один и тот же термин, вместе с тем по-разному подходит к их регламентации исходя из того, что если режим свиданий осужденного с родственниками и иными лицами предполагает нормативную определенность в части, касающейся продолжительности, частоты, порядка их предоставления и проведения, а также возможных ограничений, то правовой режим свиданий с адвокатами, как обеспечиваемый непосредственным действием права, закрепленного в статье 48 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, не требует подобного урегулирования⁴.

Что касается соответствия предлагаемого Закона нормам международного права. Пункт 3(с) статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция)⁵ гарантирует каждому обвиняемому в совершении уголовного преступления как минимум право на защиту себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия.

Такое же право гарантируется и пунктом 3 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года⁶.

Законодателем определено, что в случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью осужденных, персонала или иных лиц начальник

³ Приказ Минюста России от 16.12.2016 N 295 (ред. от 22.09.2021) "Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений" (Зарегистрировано в Минюсте России 26.12.2016 N 44930).

⁴ http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=102084780&page=1&rdk=0#Ю

⁵ <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocols>

⁶ https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml

исправительного учреждения может самостоятельно вводить меры, связанные с ограничением некоторых прав осужденных.

При этом, в законопроекте не конкретизированы случаи, которые могут быть признаны исключительными. Более того, начальник исправительного учреждения наделен законодателем правом определения по собственному усмотрению возникновения случаев непосредственной угрозы жизни и здоровью осужденных, персонала и иных лиц. В этом случае имеется существенный риск злоупотребления со стороны начальника исправительного учреждения данным правом при введении ограничительных мероприятий (карантина) в связи с возникновением пандемий, эпидемий и эпизоотий. Например, введение данного режима на территории всего исправительного учреждения с наложением ограничения права на получение квалифицированной юридической помощи при обнаружении незначительного числа заболевших лиц среди персонала или спецконтингента (осужденных) вместо изолирования данных лиц и последующего лечения в условиях самоизоляции или изоляции от остального числа осужденных.

Таким образом, приостановление осуществления права осужденных на свидания с адвокатом и иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи, в том числе с представителями в Европейском Суде по правам человека, лицами, оказывающими осужденным юридическую помощь в связи с намерением обратиться в Европейский Суд по правам человека, нотариусами в период действия режима особых условий в связи с ограничительными мероприятиями (карантином), режимом повышенной готовности в исправительном учреждении повлечет нарушение прав человека, гарантируемых как нормами внутреннего, так и нормами международного законодательства.

На момент написания настоящей статьи закончено общественное обсуждение данного законопроекта, получившего более семи тысяч отрицательных отзывов и нескольких экспертных заключений. Информация о проведении следующего этапа обсуждений или решение о принятии или об отказе в принятии для голосования внесенного текста законопроекта отсутствует в публичном доступе.

Следующая проблема для адвоката, который уже получил допуск к своему подзащитному – прохождение досмотра в исправительном учреждении.

Например, Адвокат Кунай Ильясова из Красноярска обратилась в 2018 году в суд с иском на сотрудников исправительной колонии №31, которые подвергли ее личному досмотру на контрольно-пропускном пункте и заставили раздеваться в присутствии мужчин при включенной видеокамере⁷. Настоящей причиной досмотра, по мнению адвоката, стало то обстоятельство, что ее подзащитный сообщил ей о применении к нему насилия со стороны сотрудников исправительного учреждения и администрация учреждения необходимо было изъять такое обращение.

⁷<https://zona.media/article/2018/12/28/ilyasova>

В 2019 году адвокату удалось оспорить в суде незаконные действия сотрудников колонии⁸, но сам факт нарушения имел место. И такие нарушения не являются единичными.

Более того, досмотры адвокатов никогда ранее, как и в настоящий момент, не фиксировались документально, несмотря на требования защитников. Однако, в 2021 году Конституционный Суд России признал незаконным досмотр адвоката в следственном изоляторе без составления соответствующих документов⁹. Как на практике будет исполняться решение Конституционного Суда России – большой вопрос. Проблема заключается еще и в том, что сами адвокаты в большинстве случаев молчаливо соглашались с нарушением их прав, предпочитая не идти на конфликт с администрацией исправительного учреждения. Причины тому могут быть разные. Например, создание администрацией учреждения, имеющей обширные связи, условий невозможности дальнейшей работы адвоката в регионе, особенно если регион небольшой.

Следующая проблема при защите прав осужденных – фиксация хода самого опроса, результатов опроса, следов пыток.

До 2021 года адвокатам, в течение довольно длительного периода, можно было проносить с собой в колонию телефон, фотоаппарат, компьютерную технику, принтер для работы с осужденным. Это существенно облегчало работу, поскольку позволяло не только записывать на видео опрос клиента для дальнейшей работы, для оценки психологом состояния осужденного, но и для фиксации следов пыток, применения насилия, поскольку тюремные медики зачастую не фиксируют телесные повреждения или фиксируют их не в том количестве и качестве, как это необходимо. Кроме того, позволяло снять копии или сфотографировать те документы, которые имеются у осужденного при себе, не изымая их у него.

В 2021 году был принят закон, согласно которому адвокатам запрещено проносить указанную технику в исправительное учреждение¹⁰.

Таким образом, фиксация травм осужденных, жалующихся на пытки в исправительном учреждении, стала затруднительной. Каждый день обжалования запрета на фиксацию и требований адвоката и необходимости такой фиксации несет за собой полную потерю доказательств применения такого насилия.

Видеозаписи стационарных камер наблюдения и видеорегистраторов сотрудников учреждения, которые порой являются единственными доказательствами применения насилия к осужденному, адвокатам не выдаются. Видеозаписи, как указано выше, не представляются следственным органам или органам прокуратуры, поскольку находятся в полном распоряжении администрации учреждения. Данные видеозаписи уничтожаются, следственным органам выдаются справки о том, что камеры видеонаблюдения были неисправны, или произошел скачок напряжения, или видеорегистраторы находились на перезаписи. Таким образом, защита осужденного по делам о применении к нему

⁸<https://www.advgazeta.ru/novosti/sud-priznal-nezakonnymi-deystviya-sotrudnikov-krasnoyarskoy-ik-v-otnoshenii-advokata-kunay-ilyasovoy/>

⁹<http://www.ksrf.ru/ru/News/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=3630>

¹⁰<https://sozd.duma.gov.ru/bill/1166183-7>

пытках без использования соответствующей техники, оказывается чрезвычайно затруднительной.

Следующая проблема для адвоката при защите прав осужденных – провокации со стороны сотрудников исправительного учреждения.

В том случае, когда дело клиента является общественно значимым и вызывает широкий общественный резонанс, под угрозой становится адвокат, осуществляющий защиту осужденного. Некоторое время провокации в адрес адвоката были не единичными случаями, а массовым явлением. Это могло быть от поиска компромата в адрес адвоката, начиная с рабочих вопросов, заканчивая личной жизнью. Осуществление наблюдения за адвокатом, угрозы в социальных сетях, личные, повреждение имущества (поджоги автомобиля, порча колес).

Исходя из своей практики, в ходе оказания юридической помощи осужденным, выступавшим потерпевшими по известным пыточным делам в колонии Ярославской области, я сталкивалась с угрозами в личный адрес и в адрес своего ребенка, из-за которых была вынуждена покинуть территорию России со своей семьей на некоторое время. Также, были неоднократно испорчены колеса моего автомобиля. Некоторое время я посещала подзащитных в исправительных учреждениях в одежде с отсутствием карманов либо зашивала карманы для предотвращения провокации со стороны сотрудников учреждения в подбросе запрещенных для проноса вещей, поскольку такие провокации были осуществлены в отношении коллег в других регионах.

Доступ к клиентам затруднителен не только для адвокатов, имеющих статус, но и для общественных защитников, выступающих наряду с адвокатом, которые получили такое право на основании решения суда или решения Европейского суда по правам человека, принятого в соответствии с заявлением о применении Правила 39 Регламента Суда, либо на основании доверенности на ведение дела в ЕСПЧ.

В этом случае администрация учреждения ссылается на то, что решение Европейского Суда по правам человека о применении Правила 39 Регламента Суда о допуске защитника к клиенту на английском языке, а перевод защитника не заверен нотариальным способом, либо отсутствует синяя печать Европейского Суда по правам человека, что делает такое решение незаконным. Доверенность на представление заявителя в Европейском Суде по правам человека и принятие ее Судом – не выполнена в соответствии с законами РФ, соответственно, также не дает оснований для допуска защитника.

Если защитник допущен по постановлению российского суда, то не допускать такого защитника могут просто без объяснения причин, ссылаясь на указание администрации учреждения. Все недопуски требуют длительного обжалования, более того, не всегда суды встают на сторону защитников.

Следующая проблема реализации права на защиту в исправительном учреждении – сокрытие подзащитного от адвоката.

Как в личной практике, так и в практике коллег, были случаи, когда на встречу с адвокатом выводили не того осужденного, родственники которого обратились за помощью. Осужденный говорил, что никакая помощь ему не

требуется, его права не нарушаются. В дальнейшем выяснялось, что это был не тот осужденный, которому требовалась помощь.

После ряда указанных случаев адвокаты выработали для себя следующие решения такой проблемы: перед посещением подзащитного у родственников или друзей запрашивалось фото осужденного, которое проносилось адвокатом с собой для подтверждения личности, либо у близкого человека запрашивалась так называемая контрольная фраза или вопрос, ответ на который мог знать только сам осужденный. Например, кличка его собаки, любимая книжка в детстве, любимое блюдо или какая-то иная очень личная информация.

Поскольку имели место случаи, когда были замены даже адвокатов, например, к осужденному направляли адвоката, который пытался его переубедить в обращении к другому адвокату или организации, и, якобы, такой адвокат действовал от имени родственников осужденного, то адвокатами, с которыми я работаю по защите прав осужденных, было выработано следующее решение: запрашивалась контрольная фраза для осужденного, исходя из которой он понимал, что адвокат действует в интересах осужденного и направлен именно его родственником. Например, адвокат передавал привет от друга или родственника, которого называли в семье определенным образом, понятным только узкому кругу лиц.

Все такие действия и методы постоянно вырабатываются адвокатами и осужденными в связи с тем, что оказывается серьезное противодействие со стороны администрации учреждения в защите прав осужденных. Данные действия постоянно регулируются, меняются, вырабатываются новые, чтобы у сотрудников учреждения не было возможности применять уже действующие методы против интересов осужденного.

Проблема сокрытия подзащитного от адвоката не ограничивается только лишь в замене одного осужденного на другого. Осужденного, особенно если он причиняет так называемые «неудобства» администрации исправительного учреждения, могут перевести в другую колонию или другой регион. В период этапа осужденного в другое исправительное учреждение, согласно действующему законодательству, информация об учреждении, куда он направляется, является секретной. Данная информация не предоставляется ни адвокату, никому-либо из родственников, ни даже самому осужденному до начала этапа. Более того, уже в день подготовки к этапированию адвоката не допускают на встречу с осужденным. Проследить путь осужденного от следственного изолятора или исправительной колонии до места отбывания наказания можно лишь используя неофициальные каналы из транзитных пунктов (СИЗО или колонии городов по пути следования), если будет возможность связи с родственниками. Как правило, это означает попросить другого осужденного позвонить родственникам, или у осужденного получается отправить письмо из пересыльной камеры.

На время этапирования осужденный лишается также и юридической помощи, поскольку законодательство не предусматривает возможности извещения адвоката о перемещении его доверителя. Это делает положение осужденного еще более уязвимым, поскольку отсутствует возможность подать жалобу на

ненадлежащие условия содержания, этапирования, применение недозволенного обращения, применение физической силы.

Во время этапирования заключённые находятся в переполненных специальных железнодорожных вагонах и тюремных фургонах в условиях. Стандарты по перевозкам осужденных изложены совместном приказе Министерства юстиции и Министерства внутренних дел от 24 июня 2006 года. Этот приказ только для служебного пользования, не находится в общем открытом доступе. Его положения становятся известны только в случае истребования судом при обжаловании условий перевозок или в случае подачи жалобы в Европейский Суд по правам человека, когда власти обязаны предоставить данный документ.

В соответствии с пунктом 167 этих инструкций, в больших камерах специальных вагонов не может находиться более двенадцати человек и более пяти человек в малых камерах. Большие камеры имеют размер нормального купе пассажирского вагона (3,5 квадратных метра), в которых размещаются четыре человека, и оснащены только шестью спальными местами и одним половинным. Таким образом, число осужденных, которое позволяет размещать в камерах вагона, в два раза больше числа спальных мест. Во время этапа осужденным ограничивают доступ к туалету, а во время длительных ожиданий на подъездных путях у них вообще нет доступа в туалет. На промежуточных остановках осужденных держат в транзитных камерах на протяжении нескольких дней, а то и недель, и условия в них хуже, чем в обычных камерах предварительного заключения, которые, в свою очередь, хуже, чем в исправительных колониях и не отвечают международным стандартам.

Решение о том, в какое именно исправительное учреждение будет направляться осужденный, принимается исключительно Федеральной службой исполнения наказаний России. Этапирование происходит чаще всего по железной дороге в так называемых «столыпинских» вагонах. Эти вагоны прицепляют к обычному поезду. Этап может занять он нескольких дней до нескольких месяцев. На промежуточных остановках осужденные размещаются в пересыльных камерах в СИЗО («транзит»), где они проводят иногда недели, пока их не отконвоируют на следующий поезд. На каждом этапе перевозки заключённых выводят из поезда, перевозят в транзитную тюрьму и обыскивают. Этот процесс может продолжаться целый день.

Во время этапирования адвокат никак не может отследить подзащитного и оказать ему юридическую помощь. Даже если о месте нахождения осужденного становится известно, то постоянно возникает ситуация, когда прибывает адвокат для встречи с подзащитным, администрация учреждения сообщает, что свидание невозможно по причине подготовки осужденного к новому этапу, хотя это может быть и не так.

Во время этапирования фактически отсутствует доступ к медицинской помощи, на который адвокат тоже не может повлиять и защитить своего доверителя. Лекарственные препараты не передаются осужденным, а отдаются на хранение конвою, который обязан выдавать. Но процесс выдачи лекарственных препаратов полностью зависит от настроения конвоира. В данном случае под

особую угрозу попадают осужденные с хроническими заболеваниями, поскольку существует риск неполучения препаратов длительное время.

Указанные выше проблемы реализации права осужденного на защиту в местах лишения свободы не являются исчерпывающими. Исследованные выше проблемы являются самыми распространенными, с которыми сталкивается адвокат при посещении осужденного в исправительном учреждении практически каждого региона России. Они могут быть использованы администрацией учреждения как все сразу, так и некоторые из них. Иногда требуется несколько дней подряд для того, чтобы посетить осужденного в исправительном учреждении. Как правило, после посещения осужденного, к которому доступ был чрезвычайно затруднительным, опасения, что он подвергался пыткам и иному незаконному и унижающему человеческое достоинство обращению, являются обоснованными.